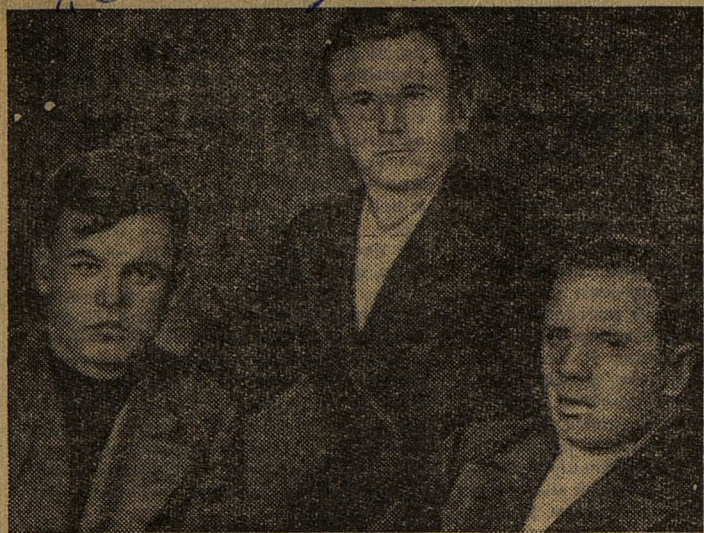

Первый съезд писателей. Молодые уральцы Борис РУЧЬЕВ (слева), Николай КУШТУМ и ленинградец Александр ПРОКОФЬЕВ. Август 1934 г.

страницы воспоминаний

ЧЕЛОВЕК РАДОСТНОЙ ЖИЗНИ

ЛЮБИМЫЕ его книги на столе и на полках — русские, белорусские, украинские. Старенькая пишущая машинка, которую он так и не удосужился заменить, — привык и уважал, как старого, верного товарища. Начнешь, бывало:

— Да купите вы новую, не мучайтесь!
— Ну, нет, — скажет, — еще послужит.

Ковыряет что-то пальцем. И смотришь — перестали цепляться буквы, не такими зигзагами ложатся строчки. А он доволен:

— Вот видишь, работает. Фотографии. Картины. На одной — Кобона, родная деревня Прокофьева. Изба. Река. Лодка...

Долгие часы пробыл я наедине с Прокофьевым — и с делом, и без дела, и за письменным столом, и за пиришественным, и в длинных сибирских дорогах. Веселый человек, он ценил юмор, как

хлеб. Бабеля знал наизусть. Вообще был удивительно памятьлив. Прошлое видел живым, звучащим, таким, каким оно явилось ему в первый раз. И вспоминать любил.

Вот один из любимых прокофьевских рассказов о своих земляках, ловких и находчивых, как герои русской сказки. Уверен, что не только я слышал его.

БАЙКА ПРО КОБОНЦЕВ

«Ну, захотят они выпить. Денег нет, конечно. Идут к сотскому (чин небольшой, такой же крестьянин-рыбак). Тот вешает медаль на шею, и все отправляется на Ладожский канал, канаву помещику. Там всегда баржи стоят, народу торгового много.

Задача мужиков заключалась в том, чтобы затеять спор, разыграть ссору между собой, а потом незаметно вовлечь в нее прасола или артельщика (это старший на барже), да при этом, чтобы до рукоприкладства дело дошло, да чтобы обязательно сотский оплеуху получил. Как только это совершалось, мужики кричали:

— Стоп! Оскорбление при исполнении! Вон медаль на ём!»

Мирные переговоры кобонцы проводили так же артистически, как и предыдущую сцену. По окончании

переговоров оскорбитель представлял четверть вина.

Нет в моем пересказе главного: соку, прокофьевской мимики, восторга его, улыбки до ушей и восхищенного комментария:

«— Вот черти, а?»
Это из стихотворения «Драка» 1927 года:
Перехоженные дали,
Дань отдайте старине...
Сотский ходит при медали...

ПЕСЕННИК

Прокофьев, подобно Есенину, серьезно изучал фольклор. Он прочитал немало специальных работ — вот они лежат на полках нынешнего его, уже музейного, кабинета. Он редактировал, рецензировал сборники сказок, песен, пословиц и поговорок. Наезжая в Кобону, не упускал случая послушать что-то, записать. Несколько его записей опубликовано. Но все это ничто в сравнении с тем, что он помнил сам, что жило в нем с детства. Из прокофьевского репертуара можно было бы составить целый фольклорный сборник. Не знаю, с кем можно сравнить его в этом, — разве только с Михаилом Васильевичем Исаковским.

Великолепен был Прокофьев, когда, положив на стол могучие свои руки, он запевал «Ваньку-ключника»...

А княгиня к Ване лнула,
Как сорочка на плечо...

Пел он хрипловато, с придыханием, но с чувством, радостно. И те же удал и сила виделись в нем, что и в героях песни.

Некоторые поэты как поступают? Берут фольклор-

его друзья и родные встречаются на Кронверкской улице, чтобы почтить его память, звучит «Вишня».

В 1960 году мы ездили с Прокофьевым по Уралу и Сибири. Книжка «Приглашение к путешествию» только что издана. Через несколько месяцев она будет удостоена Ленинской премии. 60-летний Прокофьев переживает небывалый подъем.

Встречи, вечера и — песни.

В Свердловске как-то взяли петь частушки — сначала Николай Куштур, потом Борис Ручьев, потом Прокофьев. Такие блистательные были... да вот беда — некоторые с картинками, как говорят в деревне.

В Туве Салчак Тока увез нас на ночь в степь, где были простор, алое закатное солнце, костер, шашлык и тоже, конечно, песни.

Тока и Прокофьев, с первого взгляда полюбившиеся друг другу, начали составлять. Оба с врожденным чувством юмора, с ярко национальной складкой характера, мастера беседы и знатоки родного фольклора. И пошли рассказы, байки, приговорки...

— Тувинцев в утку промахнется, а в озеро — никогда, — помню, сказал Тока.

Александр Андреевич пел частушки. Одна особенно понравилась Токе, и в далекой-далекой сторонке, за шесть тысяч километров от Ладоги, взлетала и взлетала в небо старая кобонская припевка:

У моей у бестолковой
Под носом висит целковый.
Эка дура лешева,
Куда रुपь повешала!
Отдала бы лучше мне —
Я бы пропил на вино!

Перечитайте эти шесть строчек, сотканые из одной улыбки, и вы поймете, почему у Прокофьева все слова — живые, настоящие, русские.

ПОСЛЕДНЯЯ РАДОСТЬ

Сколько написано о стихах Прокофьева! Бывало, и несправедливо критиковали, бывало — справедливо. Но в общем-то ему, удостоенному всех высших почестей, какие только могут выпасть на долю литератора, лауреату Ленинской и Государственной премий, Герою Социалистического Труда, о ком при жизни написано несколько книг, — ему было не привыкать к добрым словам. И относился он к ним достаточно спокойно, голова от похвал во всяком случае не кружилась.

А тут он был взволнован. Он был горд.

Уже болел был, отошел от всех дел. А в этот раз встретились — вроде бы небрежно сказал, но сразу, едва я разделся:

— Во, погляди! — и протянул бумажку.

Потом я отыскал эти фразы в письме Сергея Рахманинова в Россию. В 1942 году Рахманинову переслали из СССР один из советских журналов. Разбирая его содержание, композитор заключает: «Больше ничего примечательного в книжке не нашел, кроме нескольких строк современного русского поэта Прокофьева про березку:

Люблю березу русскую,
То светлую, то грустную.

К сожалению, это стихотворение не приведено полностью. Имеются еще только интересные строфы, которые заканчиваются: «Под ветром долу клонится и гнется, но не ломится». Очень мне это понравилось».

Слова Рахманинова были последней, но большой радостью Александра Прокофьева.

Владимир БАХТИН
ЛЕНИНГРАД

Леонид МАРТЫНОВ

СТИХИ

Одни стихи
Приходят за другими.
И кажется —
Одни других не хуже:
Иные появляются нагими,
Другие — сразу же
во всеоружье...
Одни стихи — высокие, как тополь, —
Наводят сразу мысль об исполинах,

Другие — осыпаются, как опаль,
Сорвавшаяся с веток тополиных.
Одни стихи —
как будто лось с рогами —
Ах, удалось! —
встают во всем величье,
Другие — зашуршали под ногами
Охотника, вспугнувшего добычу.
И хорошо:
Лось жив-здоров, пасется,
И ничего дурного не случится!

Михаил ЛЬВОВ

А ведь есть
и на что оглянуться,
А ведь есть
и о чем вспоминать
(И волнениями
захлебнуться),
Что — добром,
что — и злом
помянуть.
Сзати —
время, как расстояние —
Пять десятков
сознательных лет,
Да ведь это же —
состояние!
Звонче самых
весомых
монет!
Сил и молодости
избыток,
Мир любимых,
врагов,
друзей —
Разворачиваются,
как свиток,
Двадцать тысяч
дней и ночей.
Обстоятельно,
неторопливо,
Все окрашивая
в лиризм,

День за днем —
светло и красиво
Возвращать
свою прошлую
жизнь.
Но в плену
у живых соблазнов
Я на гостя
того
похож,
От которого
ждет
рассказов
Окружающая
молодежь.
Прямо требует
их
с порога,
Ну, а он
в настрое ином —
Оторваться не может
от рога
С золотым
молодым
вином.
Вот и я не могу
собраться
Подытоживать жизнь
свою —
Ни на миг
не могу
оторваться —
Этой жизни вино
еще пью.

Сейчас очень популярна песня на его стихотворение «Товарищ», написанное еще в 1930 году:

Коль ветер — лавиной,
и песня лавиной,
Тебе — половина,
и мне половина!

А до войны по стране прошла «Коль жить да любить — все печали растают...». На его слова созданы многие десятки романсов. В беседе с одним иностранным журналистом он сказал:

«Я люблю музыку Баха и Моцарта. Это то, что я знаю. Я профан в музыке. Где-то в чем-то узок. Но эти композиторы на меня действуют с громадной силой. Когда я слушаю их музыку, я чувствую могущество музыки. Я очень люблю «Сольвейг». И когда читаю Ибсена, и когда слушаю Грига... С младенческих лет запала в мою душу народная песня».

Он и сам складывал песни на свои стихи. Особенно удачной получилась «Вишня». Все последние годы каждый праздник, каждое застолье звучала она в доме. Это как гимн дома было:

За рекою в непокое
Вишня расцвела,
Будто снегом за рекою
Стежку замела.

Будто легкие метели
Мчались во весь дух,
Будто лебеди летели,
Оборонили пух...

Уже три года нет с нами Александра Андреевича. Но каждый раз, когда старые